

# КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1924

КНИГА  
ВТОРАЯ  
МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

89/2

802-11  
89

# КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (19)

М А Р Т

пр. 24/1-35г. м....



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА

## О группе писателей „Октябрь“ и „Молодая гвардия“.

А. Воронский.

(А. Безыменский. «Как пахнет жизнь». Александр Жаров. «Ледоход». Семен Родов. «Стальной строй». Иван Доронин. «Гранитный луг». «Стихи». Михаил Голодный. «Свай». «Земное». М. Светлов. «Рельсы». «Стихи о ребенке». А. Ясный. «Камень». Николай Кузнецов. «Стихи». «Под знаком комсомола» № 2. «Молодая Гвардия» за 1923 год.)

### I.

О литературно-художественных кружках и группах теперь стало писать куда трудней. На наших глазах разделилась «Кузница». Рассыпалась в своем недавнем составе «Молодая гвардия». Разбрелись фактически «Серапионовы братья». Перманентно «реорганизуется» и производит чистки «Октябрь», в поте лица своего отделяя овец от козлищ. Меняет свое лицо Всероссийский союз писателей. Параллельно и одновременно возникают и растут новые кружки и объединения, прочность которых отчасти прямо эфемерна, отчасти неопределенна. Подобные перетряски и перегруппировки являются наглядными показателями, с одной стороны, нездоровой кружковой атмосферы в нашей писательской среде, с другой — они указывают на серьезные идеологические и литературные брожения и искания. Будем надеяться, что современные литературные «распады» и новообразования приведут к более четкому оформлению и к дальнейшему росту молодой советской литературы. Пока же никогда не следует забывать относительности и условности теперешних литературных группировок.

Об «Октябре» и «Молодой гвардии» писалось уже немало. Часть критиков и не критиков прокламировала эти группы как единственные, заслуживающие того, чтобы их поставили в центре литературы, руководимой нашей партией, не в пример разным попустителям, наводнившим литературный рынок произведениями подозрительных и явно-реакционных попутчиков. Во всей этой шумихе было много пустяков, элементарного непонимания, простого чванства, и возвращаться к этому изжеванному и пережеванному спору решительно нет никакой надобности. Но несомненно, что за последние полтора-два года у нас появилась поэзия, которая пытается отразить настро-

ения нового поколения, вошедшего из рядов комсомола в коммунистическую партию. Под этим углом зрения — мы и намерены здесь рассмотреть «Октябрь» и «Молодую гвардию», оставив в стороне их кружковую политику.

### II.

В области прозы, занимающей сейчас в литературе главное место, ни «Октябрь», ни «Молодая гвардия» пока не дали в целом ничего сколько-нибудь художественно-ценного и значительного. Несомненно свеж и интересен Артем Веселый. У него сильный и сочный язык и, повидимому, богатый художественный материал. В напечатанных вещах ему не достает четкости в композиции и мешает склонность к художественным выкрутасам; но как раз Артем Веселый ни к «Октябрю», ни к «Молодой гвардии» отношения не имеет и стоит особняком.

Большой шум был вокруг «Шоколада» Тарасова-Родионова благодаря остроте темы. Об этом уже писалось и говорилось. Другая вещь, повесть Ю. Либединского «Завтра», является шагом назад по сравнению с его «Неделей». Тов. Правдухин отметил художественные бреши «Завтра», но повесть, как и «Шоколад», весьма сомнительна и в идеологическом отношении. Так как эти идеологические шатания Ю. Либединского, в известной мере, характерны для всего «Октября», то на них следует несколько остановиться. У Либединского темные стороны нэпа совершенно заслоняют Советскую Россию. Нэп только разлагает испытанные кадры коммунистической партии, он разбазаривает также наше советское хозяйство. Ничего творческого, положительного, экономически оправданного в нэпе нет. Отсюда другой естественный и неизбежный вывод, к которому пришел автор: республика советов, подорванная нэпом, погибнет, если во-время не спасет ее германская, европейская революция. В этих положениях только видимостью коммунизма: заученные, затверженные фразы — и полная беспомощность при их применении к сложным условиям конкретной обстановки. Русская революция, конечно, носит интернациональный характер, она победит мировую буржуазию только в том случае, если произойдет победоносная социальная революция на Западе, — но отсюда еще не следует ни того, что наша республика, сама по себе, лишена творческих, созидательных начал, ни того, что нэп только дезорганизует и разлагает нас. Нэп есть только часть, входящая в целое экономики нашей страны. Нэп имеет не только темные, отрицательные стороны. Наша промышленность, правда, черепашими шагами, но двигается вперед благодаря нэпу: «а все-таки она движется». Нэп учит, воспитывает, обучает, причает к экономному, расчетливому хозяйничанию. За время нэпа появился, вырос новый слой работников, не похожих ни на военных коммунистов, ни на старых саботажников-спецов. Не в обиду нашим товарищам из «Октября» будет сказано — недурные художественные намеки на этот новый тип хозяйственника имеются у Бор. Пильняка в его «Повестях о черном хлебе» (Архипов и Форст). Ю. Либединский не приметил этих новых людей; он не в меру перепуган темными сторонами нэпа; перепугался же

автор «Завтра» потому, что он живет романтикой военного коммунизма, который, также как и нэп, имел свою шуйцу и десницу. В новой советской действительности Либединский подмечает только отрицательное. Поэтому отрицательное ему сравнительно удалось, а когда автору потребовалось перейти к положительному, наметить выход, он живую конкретную образность подменил шаблонными, штампованными описаниями манифестаций газетно-хроникерского характера, сдобнив все это досадной и несносной слащавостью. В этой патоке он совершенно утопил свою повесть.

С нэпом неблагоприятно не только у Либединского. Писатели «Октября» очень рьяно нападали на «Кузницу» за неправильную оценку нэпа, допущенную некоторыми из «кузнецов». Но и сами они не всегда благополучны. — И когда Лелевич пишет:

Пусть рядом—кабарэ и смятая перина!  
Лишь содрогнется мир, встревоженный гудком,  
И грозно заглушит гнилое слово «рынок»  
Названия звонкие «краском» и «военком»...—

в нем романтик военного коммунизма берет перевес над коммунистом, трезво учитывающим «pro и contra» этого периода и нового. Некоторые «кузнецы» романтизировали военный коммунизм, впадая в «электропсалмы», некоторые из «Октября» тоже романтизируют эти годы, противопоставляя эпоху краскомов «гнилой», «рыночной» действительности сегодняшнего дня. Воскрешать в памяти героические моменты и периоды эпохи краскомов всемерно следует, но видеть из-за этого в наших днях прежде всего гнилой рынок, как это увидел автор «Завтра», решительно нет достаточных оснований. Кроме того, если теперь есть много гнилого, то ведь и в эпоху краскомов было много ненормального, отрицательного, о чем живое напоминание—Кронштадт.

Из сказанного, между прочим, следует, что, имея такие вещи, как «Завтра», «Шоколад», рассказы вроде Рахило, следовало бы соблюдать «октябризм» некую скромность и осторожность в заушениях Всев. Ивановых и прочих попутчиков за их сомнительную идеологию: «врачу, исцелися сам». И еще сказано: «не уклони сердце мое в словеса лукавствия».

Мы нисколько не сомневаемся, что коммунистическая молодежь в будущем перешагнет настоящий период идеологической репутации и художественной незрелости. Повидимому, этот момент не так уже и далек, судя по тому, что наша молодежь усердно пишет. Нужно еще сказать, что значительная доля вины падает на редакции и на критиков, нередко прокламирующих вещи ученические, как новое и свежее художественное слово.

### III.

Поэзия «Октября» и «Молодой гвардии» содержательней, богаче и самостоятельней их прозы. Попадаете и здесь немало случайного, не оформившегося, сырого, перепетого, подражательного, но есть и свое, главное же.

есть материал, позволяющий делать некоторые выводы о современной рабфаковской, комсомольской молодежи.

Прежде всего ряд общих замечаний критического порядка.

Когда читаешь и перечитываешь эти по большей части небольшие сборники и книжки стихов (а также и прозы), встает один настойчивый вопрос: о нашем старом большевистском революционном подполье. М. Н. Покровский, по поводу мемуарной и исторической литературы белых, заметил однажды, что нам грозит опасность уйти в страну отцов, не оставив своего освещения революции, как живых творцов ее. Это справедливое замечание еще более верно, если его обратить в сторону художественного освещения нашего подполья. Художественно большевистское подполье до сих пор остается совершенно нетронутым. То, что появилось в период 1907—1914 г.г. принадлежало почти исключительно перу интеллигенции, откатывавшейся от революции на полном ходу: Винниченко, Андреев, Арцыбашев, Олигер, Ропшин занимались главным образом ликвидаторским развенчанием подполья. Кое-что есть у Горького («Мать»), но одна-две ласточки, как известно, не делают весны. За годы революции есть вещи, но мемуарного преимущественно характера. Теперь старая гвардия молча сходит со сцены и, надо полагать, своих художников она не выдвинет уже по одному тому, что весь свой ум и все свое сердце она отдала политической борьбе. Современные беспартийные литераторы—попутчики тож—вполне естественно обходят темы о подполье, как им чуждые, незнакомые. Но и подрастающее молодое коммунистическое поколение в лице своих юных поэтов и прозаиков этих тем не касается. Дело, однако, не в том, что оно не касается, а в том—и это гораздо серьезней,—что на вещах, которые они пишут, в целом не отражается дух, «аромат», сердцевина, атмосфера революционного подполья. Написаны и хорошие, и посредственные, и плохие стихи, есть рассказы, повести, очерки. В них то-и-дело склоняется всячески Стаальной строй, Р. К. П., но той закваски, тех дрожжей, на которых взошла наша партия,—нет. Я не чувствую этой настороженной, сутулой, тревожной походки старого подпольщика, этой немногой волчьей повадки, этой сухой деловитости, этого скрытого пафоса, этой атмосферы особого содружества, семейности, за которое крестили нас в свое время ленинскими молодцами, этой спокойной уверенности, что активный работник больше трех-четырёх месяцев не держится и проваливается, этой за спиной и над спиной стоящей всегда ссылки, тюрьмы, каторги, наконец, этой холодной, раз-на-всегда решенной и уверенной, но предельной ненависти к эксплуататорам всего мира, и этой спаянности с трудовым коллективом человечества. Это—не упрек: другие времена—другие песни. Нельзя требовать, чтобы наша партийная молодежь 1917—1924 годов стала копией старого подпольщика-большевика, да едва ли это своевременно и нужно; важно и нужно, чтобы она в текущей, нынешней действительности разбиралась, имея при себе и в себе органически восприимчивый и переваренный революционный марксизм. Для этого в частности нужно, чтобы наша молодежь впитала в себя лучшие традиции революционного подполья. Вот этого органического марксистского



революционизма в поэзии и в прозе коммунистической молодежи не видно, не заметно. Наш охват молодежи чрезвычайно широк, но пока очень не глубок. Нет основания не верить т. Безыменскому, когда он пишет о себе:

Не понять ей, старенькой маме,  
Пятнышку в нашей борьбе,  
Что пошу партиялет в кармане,—  
В себе...

Это очень хорошо сказано. Но как раз его книга стихов «Как пахнет жизнь» показывает, что плакатное, митинговое, газетное усвоение коммунизма у поэта преобладает над органическим, над внутренней сосредоточенностью, над «нутром». Конечно, это подлинное коммунистическое настроение, перелитое в форму стиха, но оно усвоено по-митинговому, а не добыто в упорной, тяжелой борьбе. Отсюда так много внешнего: тезисы, книги, цеха, комсомол, субботники, винтовки. Петр Сморodin описан при помощи этих рифмованных строк о тезисах и лекциях, не описан, а фисован, но по-плакатному: живого образа тут нет. Мы видим поэта, жестяно напоминающего о себе, «дерзко» и «мощно» разгуливающего по фабрикам и ячейкам, но подлинную жизнь ни фабрики, ни ячейки читать не воспринимают. И это характерно и для Безыменского, и для Жарова, и для Малахова, и для других поэтов «Октября» и «Молодой гвардии». У иных из них от митинга и плаката меньше, но тогда выступает хотя и свое поэтическое нутро, но не слитое с коммунизмом (например, в некоторых стихах Мих. Голдного, в прозе Герасимовой и т. д.).

Лучшей иллюстрацией к сказанному может послужить отношение молодых коммунистических писателей к трудовому человечеству. Тут я должен прямо сказать, хотя и уверен, что будут изобличения в интеллигентском народолюбии, в литературной и всяческой иной реакционности, что после чтения их стихов меня властно тянет к Некрасову.

Я жалею вот этих бабенок,  
Я люблю вот этого мужика...

(Безыменский).

К сожалению, эта любовь и эта жалость поэтам нам не показана и приходится верить ему на слово. И дальше: «вот этих» бабенок и «вот этого» мужика ни у Безыменского, ни у «Октября» нет, как общее правило. Опять-таки: есть слова «вот эти». Несколько лучше с рабочими, но и тут довольно слабо. Песни о вот этом рабочем чаще всего заглушаются барабанным боем:

Бей тревогу, старый,  
Бей, барабан,  
Соединяйтесь, пролетарии  
всех стран.

(С. Родов).

Либо тут преобладает «поступь железных отрядов», «станковое сердце», мощное «я» Безыменского и «коммунар» о комиссарах. Вот эту «бабенку» и вот этого мужика лучше до сих пор видишь у Некрасова. У него они страдают, радуются, видна их нищета, грязь, убожество и т. д.

Конечно, старенок Некрасов, но по нужде и он пока сойдет. Верно, что мы далеко ушли от мотивов: «спой ему песню о вечном терпении», но время для «музы мести и печали» еще далеко не отошло в прошлое. Еще сотни миллионов «бабенок и мужиков» белых, краснокожих, чернокожих, коричневых находятся на положении рикш, еще свистит бич над ними и плетъ, еще сдавлены в железных лапах рабочие Германии, Франции, Англии, Австрии, еще слепо, голодно, изморожено, холодно выглядят исконные избы наших бабенок и мужиков, еще тяжел труд и быт нашего рабочего. Соединить «железную поступь» с этим бытом, дать читателю не слова «вот эти», а действительно вот этих — задача, может быть, и наиверное, более трудная, но уж во всяком случае назревшая. Ни в поэзии, ни в прозе нашей коммунистической молодежи реального рабочего-производственника нет, нет и вот этих бабенок. Много слов о фабрике, но настоящей фабрики нет. «Муза мести и печали» подменена плакатом. Не даром Мапп («Октябрь» тоже) вошел в деловое соглашение с нашими футуристами. У футуристов много свежести, литературного бунтарства и иных полезных качеств, но есть один роковой изъян: трудовое человечество они не знают и не любят. Потому при всех их талантах они идеологически бесплодны, как библейская смоковница.

Сказанное нельзя понимать слишком буквально. У Дорониной, Мих. Голдного, Кузнецова и других есть стихи, дающие право надеяться, что вот эти рабочие и крестьяне в конце концов займут подобающее место в литературе коммунистической молодежи, но пока такие стихи не являются характерными. «Лицо» поэзии, о которой здесь пишется, определяется больше Безыменским, Лелевичем, Родовым, Жаровым.

Интересно сравнить эту поэзию с поэзией «Кузницы». «Кузница» была организацией писателей, вышедших, действительно, из рабочей среды. Большинство их оставалось вне партии. Поэты «Октября», кажется, сплошь коммунисты. Естественно, что их поэзия стоит ближе к партии по темам, хотя мы видим пока больше газетное усвоение коммунизма. Поэты «Кузницы», стоявшие дальше от нашей партии, но, являясь в прошлом рабочими, они выросли в пору между 1910—1914 годами; им хорошо знакома ссылка, тюрьма, прежний царский и капиталистический гнет. При уклонах в космизм, в «заводскую» метафизику, в символизм их стихи больше «пахнут» рабочим потом, машинным маслом. В них есть от рабочего поселка, от рабочей околицы, от того рабочего, который хорошо испытал все тяготы прошлого. В некоторых стихах Обрядовича, Кириллова, Александровского, Герасимовой, Полетаева эта связь с прошлым житьем-бытьем нашего рабочего проглядывает довольно ясно (см., например, последнюю автобиографическую Кириллова). У Василия Казина сквозит тютовскую приему видно рыхлящую свежую стружку, ремесленника портняжку-дядюшку. И очень хорошо это сказано у него:

Так вот и кладу я песни—сети...  
Многим и не вздумать никогда,  
Что живет в искуснике поэте  
Сын водопроводного труда...

У «Октябристов» этого нет. Почему?

С Октябрем и после в период гражданской войны в нашу партию влилась огромная масса партийного молодняка. Социальный состав его самый разнообразный: тут были и молодые рабочие, но больше преобладали выходцы из мелкого городского мещанства, крестьянства, из наиболее демократических слоев интеллигенции (конторский труд и т. д.). Они прошли жестокую школу гражданской войны, многому научились в рядах коммунистической партии, но прочной связи с рабочим бытом они не имеют. Старой школы подполья—прекрасной школы для уплочения этих связей—у них нет. Учиться по настоящему марксизму раньше было некогда: воевали; это начинают делать только теперь. Так образовались кадры новой коммунистической интеллигенции, высколенной в боях с Антантой, с Деникиным, получившей уже известный опыт в советском строительстве, но недостаточно связанной с бытом рабочего и фабрики, усвоившей коммунизм не в корешках, а в верхках. Чем меньше этой подлинной связи, тем легче поэзия принимает барабанный, плакатный характер<sup>1)</sup>.

Очень любопытен в этом отношении т. Родов, изболочающий и не дающий никакого послабления попутчикам и их попустителям. Родов пришел к «Стальному строю» от «Моего сева». «Мой сев» — это Игорь Северянин, Блок, плюс Бальмонт не только по форме, но и по содержанию:

Я стал перед нею на колени.  
В порыве—юноша победный,  
Я ждал радости смиренный—  
Печальный мальчик, мальчик бледный...

Или:

Молитвы смутные слова,  
Полузабыв, я бормотала  
И четки скользкие рука  
Замедленно перебирала...

И так далее. Словом, поэзы Северянина о мальчике бледном без взаимности. Конечно, быть молодцу не в укор, и очень хорошо, что поэт от этих поэз перешел к воспеванию стального строя. Но вспомнив и перечитав «Мой сев», вышедший в 1918 году, начинаешь понимать, почему в «Строе» так много барабанного боя и так мало «вот этих бабенок, мужика» и вот этого рабочего: от Игоря Северянина и Бальмонта аполитанского залива и «каприйского венка» переход к тарану и

<sup>1)</sup> Из сказанного не следует, что в старой гвардии, которая была и оскоком нашей партии, все благополучно.

тоже не лишен трудностей, но во сто крат трудней перейти к изображению настоящего живого коммуниста, живого рабочего: тут для бледных мальчиков препятствий гораздо больше. И еще вот что: стихи т. Родова «Мой сев» при всей их некоммунистичности несравнимо талантливей «Стального строя». Положительно есть в этой книге не плохие стихотворения. Не потому ли, что тут было больше своего, нутряного, и поэт не становился на ходули? Воспевать стальной строй похвально в высшей мере, но только в том случае эти гимны доходят до сердца читателя, когда они идут от сердца поэта.

Выше говорилось, главным образом, о том, чего не хватает поэзии писателей из «Октября» и «Молодой гвардии». Перейдем теперь к вопросу, что у них есть. Несомненная их заслуга в том, что они постарались приблизить и прозу и поэзию наших дней к жизни и к быту Коммунистической Партии. Конечно, в утверждениях Безыменского, Лелевича и Родова, что они впервые заговорили о живых людях революции живым языком, есть, выражаясь очень мягко, много преувеличений. О живых людях революции задолго до «октябристов» заговорили столь ненавистные им попутчики: Всев. Иванов, Шишков, Н. Тихонов, Орешин, Пильняк, Малышкин и т. д., а из коммунистов и пролетарских писателей: Демьян Бедный, Неверов, Гладков, Аросев, Семенов, Александровский, Казин и др. Но верно то, что «октябристы» попытались ударно сосредоточить внимание на жизни Комм. Партии. Пусть первые попытки в этом направлении не всегда и далеко не во всем удачны, пусть непременно растрезвониваются вещи, где достижения—скромны и такие, в которых нет никаких достижений, пусть преобладает пока штамп, газета, трафарет, плакат, общие места, но уже самая постановка задачи как ударной заслуживает внимания. Значительное влияние здесь оказали баллады и стихи молодого поэта Н. Тихонова «Брага» и творчество Вл. Маяковского. Тихонов дал конкретизацию тем, наметил художественные вехи дней наших: «коммунары» Лелевича и Родова, правда, в большинстве своем неудачные, от Тихонова, от него и баллады. Дух же Маяковского почил на творчестве Безыменского, Жарова и некоторых других—не всех—поэтов комсомола.

Собственно о Коммунистической Партии мы узнаем не много, но о нашем партийном, комсомольском молодняке в их стихах есть ценное. Поколение это целиком, как уже отмечалось, вышло из революции. Оно таскало винтовку на плечах, поставляло политруков, полковых командиров, дралось под Питером, под Орлом, Ростовом, во всех краях нашей советской родины, перебрасывалось, перекидывалось с места на место, вело биваучную, кочевую жизнь. Обветрилось, охрипло, сделалось как никогда подвижным. Оно «галдело», ходило «гужем» на митинги, а теперь «вместо винтовки тяжелой держит бумагу, перо». Оно—крепкое, выносливое, привыкшее к холоду и к холоду, зазорное, ржущее, самонадеянное, с твердой верой в себя. Оно привыкло брать все приступом: даешь Орел, даешь Европу, даешь школу, даешь науку, даешь искусство. В этом много чисто юношеского задора, нежелания трезво подсчитать свои силы, найти меру,—но ведь юность, но ведь много здоровой, алой, свежей крови, той, что набухает человек как

весенняя почка, когда не знает еще необходимости в методах омоложения по Штейнаху, ни кокаинной, изнеженной, растленной, упадочной культуры уходящих классов. Это оттуда, снизу, от масс. Это омоложение России по Ленину. Грубовато наступают на ногу, плюют, говорят, наверное, нередко самонадеянный вздор, но это ничего, перемелется, хотя это совсем не рыхлая, рассыпчатая мука, а действительно, тут есть от стали, от железа. И Безыменский, и Светлов, и Голодный, и Жаров пишут прежде всего об этом поколении, и оно у них в стихах такое.

Вредно и опасно петь лишь одни дифирамбы этому поколению, что у нас делают постоянно, закрывая глаза на тревожное. И не в том дело, что «Петр Смородин» «плюнет, заржет матерщиной». В конце концов — это пустяки. Мы уже отмечали это тревожное; оно в том, что новое поколение усвоило пока марксизм поверхностно, внешне, что оно растет без традиций революционного подполья, — в том, наконец, что ослаблены связи с многомиллионной массой рабочих. «Плевки и матерщина» при этих недостатках ведут в известной части нашего комсомола к созданию особой божьей среды. У Безыменского и у других поэтов отражения этих сторон комсомольской действительности нет, но такая среда есть; кое-что о ней уже просачивается в печать. (Например: «Узел» Рахилло, «Ненастоящие» Герасимовой.) Но в основе тут — крепость, бодрость, энергия, свежесть, расправленные крылья. Молодого задора, конечно, было много и раньше, у дореволюционной молодежи. Но эта самоуверенная окрыленность, полевая свежесть, ощущение настоящей свободы, не формальной, а по существу, когда новому демосу открыты широчайшие пути — это впервые в России, у молодежи этого не было раньше до революции. И это не только у комсомольских поэтов, — то же самое вы найдете в стихах Орешина, Тихонова и других. Поборниками чистой, «настоящей» демократии, если бы они не страдали слепотой, очень не мешало бы присмотреться к тому, как сознает и чувствует себя наша молодежь в свирепой «Совдепии». В этом смысле стихи этой молодежи очень показательны.

В стихах этих освещается, далее, и выясняется характер и направление пафоса нынешней наиболее передовой юной интеллигенции. Он — в строительстве, в технической, хозяйственной, культурной перекройке России.

Мира властитель жестокий,  
Уголь копаю, выпиливаю доски,  
Сам же везу их по рельсу и тракту,  
Делаю трактор,  
Делаю ложки,  
Сам у сыпного пункта стою,  
Рыбу ловлю, — и каждой рубашке,  
Каждой ложке  
Точный веду я, хозяйский счет.  
Хочется мне и еще, и еще  
Взять,  
Чтобы спрятать  
В жадном, заводском, младенческом зеве.

(Безыменский).

Комсомольский поэт Жаров мечтает: «мастерами и инженерами выйдем скоро, скоро выйдем в жизнь!» Николай Кузнецов рассказывает: «Когда нас душили за горло, мы строили радио-башни», а Михаил Голодный ищет стальной Жар-птицы.

Растет новое поколение, жадное до переустройства старой, избяной, деревянной, глухмнной России. Годы разрухи, эпоха диктатуры пролетариата, открывшая широчайшие возможности для новой демократии, создали эту алчбу, эту тягу к техницизму, к строительству. Наша будущая интеллигенция будет по преимуществу техническая, технологическая, инженерная, агрикультурная, практическая, без чеховщины, без старой покладистости, без обсасывания «вечных», проклятых вопросов. У нас будут свои паладины, апостолы, романтики, фанатики строительства, как раньше были паладины революционной подпольной борьбы, как были борцы с народом и за народ. Пафос инженерии — в этом новое поколение имеет преимущество перед лучшими людьми прежнего интеллигентского поколения. Растут новые реалисты. По-базаровски они смотрят на вселенную не как на храм, а как на мастерскую; Базаров вместо проклятых вопросов выдвигал естественные науки, — новый интеллигент выдвигает строительство, хозяйство; Базаров утрированно резко выступал против поэтических и иных чарований; так же утрированно склонна выступать и наша молодежь.

Безыменский пишет:

Кто боится за девичьи губы,  
А я — за дымящиеся трубы...

На него не действует, подите вы, даже весна. Он спокоен. Солнце пышет жаром, а поэт думает все об одном:

А я иду, иду и думаю упорно  
Про себестоимость  
Советских товаров...

Конечно, и это бывает, но вообще это — гипербола. По истории с Базаровым мы знаем, как «девичьи губы» ловят трезвых реалистов, как создается трагедия, но тот же Базаров являет собой пример человека, который умеет бороться и умирать в этих и подобных обстоятельствах. Безыменский еще не почувствовал поэтически и потому ни в какой мере не отразил этой трагедии новых реалистов. Может быть, потому он так самонадеян и так легко аттестует себя то дерзким, то солнечным, то мощным, то гордым. По этой же причине у него нет динамики душевной жизни. Он еще не заглушил в то горнило, где куется новая сталь. Но как выражение нового пафоса, утверждения, что «девичьи губы» и «любовное зелье» ему ни по чем, могут быть отчасти оправданы и приняты.

Растут новые реалисты. Разумеется тут еще бабушка на-двое сказала. Что выйдет в итоге из этих новых реалистов в конечном счете, зависит от социальной революции на Западе и в России. При неблагоприятном обороте все это может вырождаться в узкий американизм, в делячество без всяких «измов», в грундерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии



при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, а некоторое равнодушие к «музе мести и печали» — в черствое, жесткое отношение к «бабкам и к мужикам». Впрочем, это не о Безыменских, а вообще о новом поколении. Во всяком случае, старая Русь кончена. Нужно только, чтобы наши реалисты послужили коммунизму, а не капитализму. Так оно, надеемся твердо, и будет.

## IV.

Перехода к отдельным поэтам «Октября» и «Молодой гвардии», остановимся на творчестве А. Безыменского, А. Жарова, И. Доронина, Михаила Голодного, Мих. Светлова, А. Ясного и Николая Кузнецова. Лелевич и Родов представляют несравненно больший интерес как критики, занимавшие в вопросах современной литературы яркую анти-попутчикскую позицию, о чем читатели нашего журнала достаточно слышаны. Как не относиться к этой их позиции, — во всяком случае, удельный вес их в области критики значительней, чем в области поэтики.

В поэтическом творчестве нашей молодежи в общем нетрудно различить два направления: одно — Безыменский, Жаров, — связано с футуризмом, так что соглашение Лефа с Маппом имеет не только тактическое значение. Дело не только в формальной зависимости, но и в том, что у Безыменского преобладает пока внешний, плакатный и вещный подход к теме. Другое направление — Голодный, Светлов, Ясный, Кузнецов, Доронин (не всюду) — тяготеют к классицизму. Тяга к простой, плавной форме классического стиха, правда, далеко не выдержанная, соединяется у них с большим лиризмом, с интимностью, со стремлением внутренне осознать себя, нащупать свое индивидуальное нутро. То расхождение, которое определилось сейчас в среде молодых писателей комсомола, расхождение, закончившееся фактическим расколом в «Молодой гвардии», имеет по силе сказанного не случайный, а поэтически закономерный характер: оно соответствует этим двум направлениям.

О Безыменском уже в сущности говорилось достаточно. Следует только прибавить: А. Безыменский — даровитый писатель. Он по преимуществу поэт новой коммунистической молодежи. Он умеет схватывать то, что носится в воздухе, умеет представить читателю отчетливо, бойко и, так сказать, ударно. В книге стихов «Как пахнет жизнь», в напечатанных отрывках из его поэмы «Комсомолыя» он рассказал нам много интересного о комсомольской молодежи. Лучшими вещами пока остаются «Петр Смородин», «Партбилет», «О шапке», «Весенняя прелюдия». Но до подлинного искусства ему еще далеко. Безыменский вместе с критиками из «На посту» и своими соратниками по «Октябрю» очень грозно обрушился на «Кузницу» за то, что они «воспели идущих по баррикадному пути», но не попробовали «в отделении милиции революцию найти». Он призывает:

Откиньте небо! Отбросьте вещи!  
Данайте землю  
И живых людей!

Поэты «Кузницы», действительно, грешили отвлеченным подходом к революции. Переборщили они и своими «железопсалмами». Но по сравнению с «октябристами» у них есть и свои преимущества. Речь сейчас, однако, идет не о «Кузнице», а о Безыменском. Безыменский приблизил к читателю комсомольскую молодежь, он заговорил о ней раньше и содержательней других. В этом его заслуга. Но он сделал только первый шаг. Живых, настоящих живых людей нового покроя в их динамике, в художественном образе он не дал. Если «кузнецы» слагали гимны стали и бетону — «железопсалмы», то ведь и Безыменский в конце концов, по его же признанию, слагает «только гимн комсомольской весне и стальной большевицкой породе». Конечно, он слагает не только гимны. Он хороший, знающий рассказчик о молодежи, но о Смородиных он именно рассказывает, говорит, но не показывает их читателю:

Вот он пылающий речью  
Старый ворожат мир,  
Миг — и винтовку на плечи,  
Он — полковой командир.  
В Пскове ли, Ямбурге, Нарве  
Белогвардейцев бьет,  
Миг — и в заводском зареве  
Снова тачает болт... и т. д.

Как пылающий Смородин ворожат мир, как таскает он винтовку на плечах, как он бьет белогвардейцев — об этом мы ничего не знаем. А ведь в этом как и заключается все художество. У живого человека всегда так-то и так звучит речь, он так-то и так выглядит, он носит винтовку таким именно образом, а не другим. И это так-то должно быть типичным в то же время для миллионов других. Здесь же только статья, повествование, бойко срифмованные. Чтобы быть художником, Безыменскому нужно очень подумать над этим как. Безыменскому не хватает художественной интуиции, дара внутреннего воссоздания образа. Поэтому образ подменяется у него такими хроникерского характера приемами: «Вот заседаний сотни. Тезисы. Книги. Листки. Митинг. Ячейки. Субботник. Фабрики. Села. Полки». По этой же причине он внешен, плакатен, в природу вещей и людей он не заглядывает.

Живой человек революции т.т. «октябrevцами» и Безыменским понимается слишком по-сегодняшнему. Они пытаются схватить его налету, не прибегая к большому синтетическому обобщению. Этим недостатком страдают и многие молодые «попутчики». Прав Алексей Толстой, когда указывает, что у нас есть свежие, крупные таланты среди литературной молодежи. Их беда — в ложном методе. У них боязнь «монументального реализма». Его метод — создание типа, чувственное познание человека. Безыменскому не хватает, прежде всего, этого чувственного, интуитивного познания, а злободневность заслоняет у него монументальность.

Безыменский вышел из Маяковского. Его стих так же ломок, свеж, громок, свободен от бальмонтской плавности, упруг, местами грубоват.



По Маяковскому Безыменский склонен к гиперболизму, и если у Маяковского «грузовичище», то у Безыменского «статьища», «коммунистище». Маяковский любит прежде всего вещи, Безыменский—тоже. В стихах Маяковского на первом плане «я»; книга «Как пахнет жизнь» переполнена до краев этим «я». Но у Маяковского с этим легче мириться, чем у Безыменского. Поэт умеет заключить, закончить стихотворение хлестким, свежим и неожиданным оборотом. Таковы концы стихотворений «О шапке», «Партбилет», «О валенках». Рифмовка у Безыменского однообразна и однотонна. Это грозит превратиться в заученное, в штампованное, в привычный техницизм. Книга стихов «Как пахнет жизнь» и «Комсомолия», судя по напечатанным отрывкам, уже замкнули основные, избранные поэтом темы. Дальше будут перепевы, если поэт не сдвинется с колеи и не попытается шагнуть дальше. А ему есть что рассказать о новом поколении, он знает его и уже дал нам о нем свежее и ценное, хотя и поверхностное. Во всяком случае, в творчестве его есть родное и близкое нам по темам и по настроению. Может быть, потому у него не замечают крупнейших недостатков, как это случилось с тов. Троцким.

В поэзии комсомольских поэтов, тяготеющих к классицизму, нет заискивания вечности. На виду, на первом плане тут человек, не человек вообще, а человек в его исторической, социально-психологической, бытовой конкретности. Пафос строительства, производства, переустройства мира при помощи науки и техники, не заслоняет, не застит этого человека, и если эта позиция дальше стоит от кипучего потока жизни Комм. Партии, то эта «человечность» ее дает ей известные преимущества перед футуристическими уклонами других поэтов комсомола. Человек есть мера всех вещей—это не в релятивистском, не в солипсистском смысле, а в другом, в нашем, когда человек, преобразуя мир, создавая вещи, не забывает, что все это исключительно для него и для его потребностей.

Этого человека мы видим прежде всего у Ивана Доронина. Доронин—поэт-рабочий. У него больше, чем у других поэтов «Октября» и «Молодой гвардии», пахнет копотью фабричных труб и чувствуется рабочий. Но это не рабочий вообще, а наш, русский. Огромное подавляющее большинство наших рабочих до сих пор остается связанными с землей, с полем, с деревней. Там проходит их детство; туда тянет их вон из душных и дымных корпусов фабрики. Недаром поэт говорит про себя: «я рабочий, певец полей, я певец полевой машины», а деревенская девушка у него поет: «я сегодня девушка полей, завтра буду девушка-ткачиха». Вешние воды, запахи черемухи, кудряво-зеленые леса, полевое раздолье то-и-дело властно вторгаются в душу, постоянно напоминают и манят к себе:

И в каменных толщах  
Я вижу сады,  
Виноградов гибкие змеи  
У входов в заводы...

Для этих садов, для нашей деревни у Доронина есть легкие песенки, кудрявые, как белые березки, звонкие и весенне-пахучие. Он знает, что

в каменных толщах—погибельный, непосильный труд, что там «без слов и поворотов в стороны стоят, будто прикованы, невольники труда».

Но он знает также: если гнетут человека каменные толщи, то есть и другой гнет, гнет и темь деревенских потолков. Главное же в том, что «рьяная», «капризная» природа, которую нельзя не любить за ее буйность,—она слепа, глуха, зла, непослушна, она бессмысленно уничтожает произведения своего собственного творчества и результаты кропотливого человеческого труда. Каменные толщи надобно раздвинуть в сады и виноградники, но и рьяную природу надо подчинить властью человеческой воле. И поэт готов погнать воды вспять, чтобы не быть «послушным пленником» необузданных, буйных стихий. Но Доронин знает меру. У него город, мотор и станок подчиняют природу, но не стирают с ее ланит свежие, пахучие краски. Его стальной соловей не ставит чучелом на полку живого. С работой мотора, со свистом приводных ремней у него продолжает «бить» живой соловей. Велики и необъятны равнины, бескрайна и бездонна голубая бездна, слишком полновесна, полнотонна природа «рьяная». На широком, неиссякаемом материнском лоне ее станок и мотор, каменные толщи и корпуса, как полевая машина в море ржи. Ведь даже сама машина грустит и рвется к раздолью:

Мотор загрустил о просторе,  
В полевое раздолье  
Мотор поровит.

И также люди труда, рабы машин, напоены до краев соками жизни:

Ведь недаром  
В душе у меня  
Весенние воды.

Оттого поэт не боится, что каменные толщи скуют в каменную плену поля, леса и деревни и у него за шипом, за свистом машины все-таки на первом плане девственная сила природы и человек.

Поэтическое мировоззрение Доронина яснее и его стихи легки и песенны. Лучшей вещью поэта мы считаем его поэму «На войну», еще не напечатанную. Поэту удалось передать в ней пустынную, нищету, мрачную беспомощность, измученность, худобу, унылость нашей старой до-революционной деревни. Доронин вообще часто прибегает к повторениям строк, слов, чтобы прочнее запечатлеть образ в памяти. Это его, Доронина, прием. В поэме «На войну» этот прием нашел себе наиболее удачное применение:

Под стон  
Измученного ветра  
В сараях гнутся переметы,  
В сараях гнутся переметы.  
Стропила гнутся,  
Валются стропила... и т. д.

Весенние, кудрявые песенки здесь сменялись углубленным восприятием жизни. Поэт не стоит, не топчется на месте. Но и в «Рабах машины», и в «Капризах природы», и в поэме «На войну» есть длинноты, растянность.

Доронин не бережет слово. Ему не хватает упругости, сжатости, расчетливой скупости.

Поэтическое лицо Мих. Голодного еще не оформилось. Он еще—в исканиях, но они плодотворны уже по одному тому, что Голодный серьезно стремится познать себя и преломить окружающее через свое, индивидуальное. Из молодых комсомольских поэтов он, пожалуй, больше других подвержен терпкой горечи рефлексии, думам о человеке. Может быть, это потому, что он знает:

Что было вчера, не будет сегодня,  
Ни завтра, ни чрез тысячу лет!

Он чуток к боли. Он чувствует ее в машине, которая износилась и должна пойти на слом: «мне машина поведала о боли, о горе нежданном своем»,—в гибели паровоза, не выдержавшего состязания с аэропланом,—в лошади, «грохнувшей на землю» от двух фордов. Предполагаемый приезд к матери на родину во время гражданской войны заставляет его писать:

Солёной мукой брызнет мать,  
И, перетнувшись над кроватью,  
Я долго не смогу разнять  
Ее косящие объятия.

Оставшись ● ней наедине,  
Замкнув в молчании тяжелом,  
Она же спросит о войне,  
И дрожью оборвется голос.

Я брошу ложку,  
Разве мне  
Рассказывать ей о войне?..

Он «поперхнулся тоской» потому, что любимая отвернулась от песен его о крылатой борьбе и стала чужой и не любимой. Эти мотивы переплетаются с другими, с песнями о новой жизни, когда «в взорах-звездах комсомолки расцветут вдруг города», когда сказочная Жар-Птица обернется и станет стальной. Он призывает даже ветер за работу: «довольно, путаясь в тумане, гонять испуганную тень»; настало другое время: «и я, и ты—мы на учете освобожденного труда». Переход от тоски и боли к бодрым песням о грядущем происходит потому, что поэт знает Бахмут, пыльный и душный, где «уголь хмур, а я угрюм», где человеческая жизнь гаснет в темных недрах шахт. От этой угрюмости один шаг к песням борьбы за долю шахтеров и безработных.

Стальную Жар-Птицу Голодный готов ловить и добывать, но живого человека он видит прежде всего. Отвечая Асееву на его «Стального соловья», он говорит, что по мостам стальных стихов придут другие поэты:

Но и у них, но и у новых  
Потребуют, как у тебя,  
Или несказанного слова,  
Или невиданного соловья.  
И будет так от века и до века,  
Покуда вместо соловья  
Нам скажут: «нате человека»...

Безыменский над этим вопросом не задумывается, он—безапелляционен. Доронин решает вопрос легко, ибо верит в вечную силу океана жизни. Мих. Голодный сомневается. Для него тут далеко не все решено окончательно. И если у него вселенная грустит потому, что стала нашей «неотвратимо навсегда», то вместе с ней готов грустить иногда и поэт. Здесь несведенность его поэтических настроений, их двойственность: поэт за стальную Жар-Птицу, но порой начинает бояться, не превратится ли все в сплошную сталь и камень, и уж во всяком случае он против того, чтобы живого соловья ставить чуелом на полку. Книга стихов Мих. Голодного «Земное» свидетельствует, что автор—в пути, это—переломная книга. В ней есть «нутро», пока еще далеко не прощупанное самим автором, и только береженное им. По искренности и художественному правдолюбию она выгодно отличается от барабанного боя, от заученного и затверженного, чего в поэзии комсомола, как и следует, еще достаточно. Автору нужно стремиться не потерять своей бодрости, нужно суметь найти стык все углубляющихся раздумий со стержнем эпохи. Внешне стихи Голодного не всегда свободны от погрешностей, есть прозаизмы, перебивки в рифмовке, но все это есть и у других комсомольских поэтов. Мих. Голодный больше других из них тяготеет к простой классической форме стиха.

У М. Светлова есть очень показательные и характерные для нового поколения «Стихи о ребенке». В поэзии комсомола вообще видное место занимает тема о полном разрыве нашей передовой молодежи со старым бытом, со всеми пережитками, еще прочными в своей инерции и косности, но уже безнадежными, неотвратимо одряхлевшими. О живом трупе этого уклада есть в стихах Безыменского, Мих. Голодного и других. У М. Светлова тема о старом и новом, об отцах и детях легла в основу его «Стихов о ребенке»:

Старый ребенок говорил о мире,  
Профиль старческий до боли был знаком...  
А теперь мой ребенок спекулирует  
На базаре прелым табаком...

Было, когда ребенок твердил про народ свой «у разрушенных израильских твердынь»:

За горами, на востоке дальнем  
Ту стену господь сберег;  
И велел еврею быть печальным,  
И велел молиться на восток...

А теперь:

Вижу уж не детским глазом  
Хедера незастежливую дверь,  
Сразу выросший и постаревший сразу  
На восток гляжу я и теперь...

Но этот восток новый, иной: восток Ленина, восток восставших народов. Светлову удалось передать тишину и запустение синагоги; спит она, как убитая, а около нее совсем другое: «я стою с прикладом рядом часовым порохового склада». Ни он, ни его товарищ не жалеют о прошлом: «смотрим мы

и нам не жалко, и рука прилипла у затвора». Вместе с тем комсомольский поэт нашел мягкие, человеческие, добродушно-иронические слова для своего ребя. Так пишут о том, что перестало трогать сердце и ум, что уже давно потухло и покрылось холодным пеплом, на что можно смотреть со стороны: как-то еще живет, но уже «все в прошлом». В этой добродушной иронии, в человеческой обрисовке старого ребя—главное достоинство стихов Светлова. Следовало бы избегать таких безобразных мест: «знаю: мне с востока замаячат моя партия, мой светлый комсомол»; хорошие строки о востоке расплылись в общем месте, не дав заключительного образа.

У А. Ясного «тоскуют пальцы по курку». В его стихах еще звучит гулко эхо гражданской войны, партизанщины, зловещих, багровых полыхающих ночей Украины, посвиста и мести врагу. Ему даже сейчас хочется: «чорт подери, а с кем бы податься?». Хорошо «в руки нож бы и наган за пояс» и пройтись «по европам». Но это—не простое озорство, поножовщина, непутевость, отпетость и забубенность, тут другое: «брата—немцы расстреляли, отца ухлопали так». «Ухлопали так» и многих других рабочих. Вот отчего растет «мальчишка отпетый, шестнадцати лет большевик», который копит и хранит в себе злобу к врагу и не хочет с ней расстаться:

Кто сказал, что надо быть дсбрей?

Кто сказал, что так нам будет лучше?

И, может быть, в легкости, в спокойствии, в равнодушии, с которыми молодой комсомолец говорит о том, как «ухлопали» отца, больше от этого нежелания быть добрым, не поддаваться размягчающим настроениям, чтобы уметь, когда потребуется, щелкнуть «зловещим курком». Стихи Ясного приподнимают уголок завесы над теми настроениями среди «большевиков 16 лет», которыми питается «тоска по курку», обесценивание своей и чужой жизни, крови, всеравношество и отпетость. С другого конца, с фабричного поселка, с заводского двора, оттуда, «где матом гудок кричит, как зарезанный к ночи купчина», подает свой голос Ник. Тихонову комсомольский поэт о времени, когда «огонь, веревка, пуля и топор как слуги кланялись и шли за нами». Конечно, это слабее, чем у Тихонова, но об этом же. И также комсомолец подтверждает правду других тихоновских строк: «тогда впервые выучились мы словам прекрасным, гордым и жестоким».

Поэт рассказывает, что с ним упорно на странице «спорит упрямый Ленин». Надеемся, что переспорит.

Стихи Николая Кузнецова о заводе, о работе, о фронте, несложные по своим мотивам, устанавливают связь части нашего комсомола с деревенско-фабричным бытом:

Рос пернем славны простым,  
Телом в городе—в деревне сердцем,  
Я любила поля, тропинки и кусты,  
Так любила, что даже и не верится.  
На заводе говоривом, черном,  
Где гремит машинная гроза

Зацелованный огнями горнов,  
Потерял я синие глаза.  
Да не долго о потерянных тужил,  
Дал завод мне—серые, стальные:  
Умер в сердце у меня мужик  
И увидел зори я иные...

Конечно, эти и подобные мотивы мы встречали уже у поэтов «Кузницы», и комсомольскому поэту нужно уточнить и усложнить их, чтобы сказать о старом на свой лад, а так—свежо, здорово, но примитивно пока. Форма стиха у Кузнецова—простая, новейшая изощренность, повидимому, его привлекает мало.

Александр Жаров очень близок к Безыменскому и по форме, и по содержанию. Если Безыменский озабочен себестоимостью товаров, то Жарова очень беспокоят судьбы нашего червонца:

Вот теперь, теперь,  
Когда сердце тревогу трезвонит  
Мозг зудит:  
Ст рожит и шу дверь  
Золотой  
Простой червонец.

Помимо червонца «мозги» комсомольского поэта заняты «Бухариным», «Капиталом», Пушкиным, фабзавучем, лекциями, комсомолом, комячейкой. Перо Жарова значительно тверже некоторых его поэтических соратников по комсомолу, но «Бухарин» и «Маркс» находятся еще исключительно в процессе учебы: органически в юное творчество Жарова они не вошли. Формальные ссылки на «Ницету философии» и «Капитал» еще не дают читателю представления о том, как все это вобрано в глубь, но в бытовом разрезе они представляют интерес: «Бухарин» и «Маркс» действительно только в одной нашей Республике занимают подобающее им место: это наше бытовое, этим мы можем законно гордиться, об этом следует писать даже в стихах. Жаров пишет, что «Александр Сергеевич Пушкин разговаривает» с ним. Это очень хорошо, но, кажется, его стихи больше «разговаривают» с Маяковским. Отдавая должное таланту Маяковского, мы все же думаем, что преклонить ухо к Пушкину нашей поэтической молодежи очень и даже очень не мешает. Не помешает это и Жарову.

Отмеченные выше поэты «Октября» и «Молодой гвардии» далеко не исчерпывают всего их художественного списка, но достаточно полно знакомят с основными мотивами их поэтики, посему можно без особого ущерба закрыть список молодых «ораторов» от поэзии.

Об «Октябре» и «Молодой гвардии» было много крику и шуму. Били в барабаны, трубили в трубы. Были всяческие славословия, и некоторые критические статьи больше походили на оды. Утверждалось и говорилось, что в этой поэзии и в этой прозе «Закон и пророки» современного искусства, ибо поэзия и проза эти—единственно коммунистические и единственно по настоящему достойные Республики Советов. Происходило это не только по-

тому, что чаемое и ожидаемое принималось за настоящее, но и оттого еще, что недавним руководителям комсомольских кружков, остающимся теперь все больше в горестном одиночестве, надо было учинить суд и расправу над попустителями попутчиков. В действительности, дело обстоит гораздо сложнее. Наша новая коммунистическая интеллигенция, выходящая из рядов комсомола, начинает завоевывать и занимать некоторые позиции и в науке, и в искусстве. Завоевания эти ни в какой мере еще не являются пролетарским искусством. Формальные достижения еще скромны, а в прозе ничтожны. Что же касается содержания, то тут нужно сказать следующее. Одна часть нашей поэтической молодежи старается «вгрызнуться» в жизнь и в быт Коммунистической Партии, но делает это пока по-плакатному, по-газетному, по-митинговому. Другая часть тяготеет к темам, выдвигаемым от «нутра», причем тут еще много, как и следовало ожидать, не оформившегося, находящегося в периоде брожения, неизвестного, неопределившегося. И то и другое указывает на то, что по части *органического* усвоения коммунизма у нас в рядах нашей молодежи далеко не все благополучно, в чем, разумеется, повинна не она, а наши общие условия. Тревожно то, что в этой поэзии и в прозе, как и вообще во всем современном искусстве, как общее правило, нет рабочего-массовика, он присутствует, но не занимает надлежащего места. За всем тем, поэты и прозаики комсомолы вносят весенне-звонкую струю в литературу. У них есть пафос строительства; они дают материал для характеристики нашей современной молодежи. Часть из них ударно старается сосредоточить внимание на Коммунистической Партии. Правда, часто это сопрягается с совершенно нелепым и вредным походом против таких писателей, как М. Горький, Всев. Иванов, Пильняк и т. д. Но в этом повинны больше критики, чем художники.

**Недра.** Литературно-художественный сборник. Книга четвертая. Из-дво "Мосполиграф". Москва 1924 г.

Большую половину книги—сто шестьдесят четыре страницы из двухсот девяносто шести—занимает "Железный поток" А. Серафимовича.

Это произведение нельзя назвать повестью или романом, это, если уже подыскивать для него название, которого не дает сам автор, скорее всего героическая эпопея. Сюжет эпопеи очень несложен. Описывается поход гомытбы, которую начато вытеснить и истребить после первого падения Советской власти на Кубань богатое, старожильческое казачество.

И вот эта гомытба, иногородние квартиранты казачьих станиц, "бисовы души", "чига гостропузая", а с ними беднота казачья, сливаются под угрозой окончательной гибели действительно в железный поток,—своеобразную, кочующую социальную монаду, и устремляются в центр России, туда, где, они это смутно ощущают, бьется большое и новое сердце,—их ридна вальсть".

Они идут по берегу Черного моря, среди скал, теснимые с одной стороны казаками. С другой стороны их стремятся задержать грузины, кроме того, их с моря громит немецкий броненосец. Их поход—новая, своеобразная Одиссея, где героем является эта, социально ставшая во время похода цельной, громада—войско-гомытбы, идущей со своими семьями и со всем своим скарбом.

Писателю удалось на этом, казалось бы, однородном, однолинейном фоне создать большой, живой, своеобразный мир, современную Запорожскую сечь, социально совершенно своеобразную и внутренне новую, на которой лежит яркий отпечаток нашей стремительной и революционной эпохи.

Внутренней силой данного произведения является то, что автор жизненно, без малейшей идеализации нарисовал эту людскую лаву, где каждое лицо, начиная от их атамана Кожуха и кончая бабой Горниной со своим знаменитым самодромом, нарисовано с полновесной художественностью. Каждая капля отчетливо видна в этом волнующемся людском море.

И в то же время эта отдельная капля, всякий мелкий факт, как и вся эпопея, являются отображением нашей российской революции, доказательством огромного социально-жизненного роста отдельного человека и всей громады.

Эту художнически-большую задачу отображения в малом лике и характера всей величавой громады революции Серафимович достигает совершенно объективной, порой суровой манерой изображения новых людей. Никакой идеализации, прилизанности, славянофильской славяности при зарисовке их автор не допускает. Расстрелы, жестокости описаны с той подлинной жутью, какую и вызывают эти действия, кто бы их ни совершал. Автор ни в какой мере не ищет оправдания революции в фразе, пафос ее не заключен для него в самоодвояющем, красивом звучании слов или во внешней импозантности его героев, чем грешит временами А. Малышкин в своей, сюжетом несколько сходной, эпопее "Падение Дира". У Серафимовича в этом отношении оказался больший запас конкретно-жизненного материала, чем у Малышкина, который вынужден был прибегать к созданию несколько искусственных легендарных сказаний. Серафимович грешит обратным: он сильно загрузил произведение лишними подробностями, длинными описаниями природы и пафосно-публицистической лирики, напоминающей местами лирику Тоголя. В конце автор нарушает художнический



статьи сама, а также и по поводу тона, если о нем вообще стоит говорить<sup>1)</sup>. И насколько я знаю тов. Коллонтай, она предпочитает иметь дело с товарищами, открыто полемизирующими с ее взглядами и открывающими возможность полезной для чтения принципиальной полемики, чем с товарищами (а таких отнюдь не мало), которые исподтишка из кулисами издеваются насчет "коллонтаевщины", а когда дело доходит до резкой полемики по существу, они боятся обидеть "заслуженного, боевого товарища", обижая ее этим самым во много раз больше.

<sup>1)</sup> Неужели я в самом деле должна была написать статью свою в духе дипломатической ноты?

Тов. Коллонтай еще достаточно активна и не нуждается в том, чтобы при помощи таких приемов привращали ее в партийную безмолвную богородицу, за спиной которой можно шушукаться, но против ошибок которой нельзя выступать публично.

3. Наконец считаю нужным отметить тот факт, что в журнале "Красная Новь" не один раз помещались полемические статьи, не менее резкие, чем моя, и направленные против не менее "заслуженных" товарищей, чем т. Коллонтай. Никакое публичное извинение за этих авторов редакция не приносила. Я претендую здесь лишь на элементарное равенство.

С коммунистическим приветом

П. Виноградская.

Январь 1924 г.

## СОДЕРЖАНИЕ.

М. Горький. Заметки из дневника. Воспоминания	Стр.
К. Трепав. Пугачевщина. Народная трагедия. Отрывок	58
Вор. Пильняк. Материалы к роману	63
Стихи: В. Катаева, С. Ильичева, В. Инбер, Н. Каратыгиной	97
А. Бухарин. О мировой революции, нашей стране, культуре и пр.	Отвеч.
академику Павлову	104
Г. Мещеряков. Ленин и кооперация	120
Гроссман-Гоццин. К критике основ учения П. А. Кропоткина	139
Г. Дали. 2-й психоневрологический съезд	155
М. Завабовский. Этапы биологии. Популярный очерк	167

## За рубежом.

М. Павлович. Англия и признание С. С. С. Р.	185
А. Матов (А. Степной). Землетрясение в Японии. (Впечатления очевидца)	200

## От земли и городов.

В. Федорович. Малиновыи знон	21
М. Пришвин. Голубиная книга	221
Ив. Вольное. Сход	237

## Литературные края.

Вересаев. Поэт	246
Лежнев. Пролеткульт и пролетарское искусство	272
И. Воронский. О группе писателей "Октябрь" и "Молодая Гвардия"	288

## Библиография.

В. Правдушкин, Н. С., В. Крыжанин, И. Боровдин, А. Цинговатов, И. Луцкий	307
--	-----

Ответств. редактор—А. Воронский. Издатель—Государственное Издательство.

Члены Ред. Коллегии { А. Бубнов.  
В. Смирнов.